

Русское слово (м.)

1895, 8 апреля, № 93.

С. 1-2.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ НАВРОСКИ

Супрун — А. Чехова и Клеопатра Милей-
Лонга — И. Потапенко.
(Почин, Русская Мысль, № 3).

Предъ современнымъ женщиной множи-
мо школъ, которая ничему ея не научила,
ни отъ какой „воплости“ не избавила, по-
чтительно о себѣ думать, что она совсѣмъ
такая высшее существо: либо талантъ, либо
умъ необыкновенно и признала изъ высшей
человеческой дѣятельности: власти человѣ-
чества, охватывать человечество — никакъ
не можетъ. И радостъ съ нею повсюду, осо-
бенно въ литературѣ, возмилась пыла
куча усерднаго прихваста, воспѣвавшего
въ ней совѣсть, умъ, необычайная каче-
ства души и тѣла. Почему-то и страдаетъ
она необыкновенно, и добродѣтельна она
до ангеловодовъ, и все же предъ нею ро-
ковая „воплоть“, та же близость, гре-
шная жизнь, та же трагичная борьба, та
же противная мужчине.

Жизнь.

I.

Русскіе художники слова всегда съ
особою любовью обращались къ воспро-
изведенію идеальныхъ женскихъ типовъ.
Начиная съ Пушкинскою Татьяною и
кончая несчастною Соней Мармеладо-
вой Достоевскаго, мы имѣемъ цѣлый
рядъ женскихъ типовъ глубоко симпа-
тичныхъ, сохраняющихъ идеальныя
черты даже въ самыхъ паденіяхъ своихъ.

Понятно, почему наши художники
слова съ такою любовью рисовали жен-
ские типы. Женщина всадъ, и въ сла-
вы, и въ особенности, вносить
въ жизнь какое-то упрощающее на-
чало, ту струю чистой ласки, сердеч-
ности и чистоты, которая — какъ про-
зрачный вѣтерокъ въ лѣтній день — не-
обходима человеку усталому отъ подвига
жизни, необходима для того, чтобы
можно было свободно дышать.

Женщина всегда и всадъ болѣе жа-
ждетъ чувствомъ, чѣмъ разумомъ, оттого
она непосредственнѣе воспринимаетъ

всѣ внѣшніе впечатлѣнія и чутко от-
зывается на нихъ, тогда какъ мы пре-
жде чѣмъ дать волю своему непосред-
ственному чувству мучаемся долгимъ
и томительнымъ анализомъ, почти всег-
да убивающимъ красоту и прелесть
перваго непосредственнаго впечатлѣнія.
Быть-можетъ, мужчина рѣже ошибает-
ся, но женщина всегда глубже чувству-
етъ... Тогда какъ мы въ познаніи ка-
кой-нибудь истины приходимъ путемъ
долгихъ и мучительныхъ соображеній,
женщина (хорошая, съ волею еще не
разрешенною) постигаетъ это сразу
непосредственнымъ чувствомъ.

Я говорилъ о романѣ Сенкевича
„Семья Полавецкихъ“. Полавецкій въ
познаніи смысла жизни пришелъ послѣ
долгихъ и мучительныхъ соображеній,
послѣ упорной душевной борьбы, Ма-
риша чувствовала смыслъ жизни, и это
чувство ея не обмануло... Сенкевичъ
въ своей Марии показавъ намъ чуж-
дый, идеальный типъ дѣвушки, созна-
тельно относящейся къ жизненному
долгу и устранившей счастье не толь-
ко себя, но и любимому человеку.

Присматривая произведенія современ-
ныхъ русскихъ беллетристовъ съ гру-
стью останавливаясь на женскихъ
типахъ выведенныхъ ими.

Что это? Отчего наши беллетристы
не даютъ намъ болѣе положительныхъ
женскихъ типовъ, какъ то сдѣлалъ Сен-
кевичъ?

Или ихъ нѣтъ и въ жизни? Но этого
не можетъ быть. Разъ Полавецкій, сре-
ди польскаго общества, сумѣлъ найти
Маришу, то тѣмъ болѣе легко казалось
пог-бм сдѣлать это русскій писатель.

Очевидно, наши беллетристы не уи-
аютъ или не желаютъ искать въ жизни
положительныхъ женскихъ типовъ, или
они ищутъ ихъ не тамъ, гдѣ искать
слѣдовало-бы.

Какъ бы-то ни было, но женскіе ти-
пы выведенные современными беллетри-
стами въ большинствѣ случаевъ оттал-
киваютъ насъ своимъ праставнымъ

безобразіемъ и заставляютъ сердце сжи-
ваться холоднымъ страхомъ за тѣхъ,
кому въ жизни суждено вступить съ
подобными женщинами...

И странное дѣло.

Если случится какому-нибудь писа-
телю (напримѣръ, Чехову въ его раз-
казѣ „Три Года“) найти и изобразить
симпатичный, положительный женскій
типъ, то изображеніе его, по болѣе
части, не удается автору: оно выходитъ
блѣднымъ, незаконченнымъ.

За то отрицательные типы рисуются
нашими беллетристами необыкновенно
живо и рельефно: такъ и чувствуется,
что современная жизнь, именно тѣ
слон ея, что кипитъ и бурлитъ на вер-
ху, на виду у всѣхъ, даетъ авторамъ
богатый матеріалъ для подобныхъ на-
блюденій...

Но отчего же авторы въ поискахъ
за другими, болѣе чистыми и идеаль-
ными типами не спустятся глубже, въ
тѣ слон, гдѣ жизнь течетъ не шумя и
не бурля, гдѣ прочіе сохранились
устои древне-русскаго быта?

Но задать этотъ вопросъ, это не-
равно, что спросить, почему у насъ
нѣтъ теперь такихъ писателей, какъ
Пушкинъ, Гоголь и Достоевскій.

II.

Разказъ Чехова Супрунъ помѣщенъ
въ сборникѣ Общества Любителей Рос-
сійской Слоvesности Починъ. Онъ не
великъ по объему: всего нѣсколько
страницекъ, но и этого объема доста-
точно для автора, чтобы развернуть
предъ нами иррадную картину разбита-
го семейнаго счастья, страдальца мужа
и гнусной жены, живущей на сред-
ства добытаго мущины.

Николай Евграфовичъ въ отсутствіе
жены (жена отправилась въ своей на-
терѣ) зашелъ у ней на столъ теле-
грамму, явно изболтавшую ее въ не-
вѣрности мужу.

Это открытіе поразило его. Онъ
сталъ вспоминать о своей супружеской

Русское слово

1895г., 8 апреля, № 93

с 1, 2

жизни. Что она дала ему? „Ничего, если не считать истерики, виаги, попреков, угроз и лжи, наглой, изысканно-чистой лжи. Онъ понималъ, какъ у отца въ деревнѣ, бывало, со двора въ домъ печально влетала птица и начинала неистово биться о стекла и оцкидывать вещи,—такъ и эта женщина изъ совершенно чуждой ему среды влетѣла въ его жизнь и произвела въ ней настоящий разгромъ. Лучшіе годы жизни протекли какъ въ аду, надежды на счастье разбились въ осѣбныя, зловонныя гнѣзды, въ комнатахъ его поплазы кокетливая обстановка, а изъ десяти тысячъ, которыми онъ зарабатываетъ ежедневно, онъ никакъ не соберется послать своей матери хотя бы десять рублей и уже долженъ по векселямъ тысячъ пятнадцать.“ После этихъ размышленій и соображеній что ему недолго осталось жить (у него чахотка), Николай Евграфовичъ приходитъ къ рѣшенію дать жемъ разводъ.

Приблизительная жена съ жалобами на то, что потеряла пятнадцать рублей.

„Мужъ просилъ ее успокоиться и выслушать его, а она говорила все о своихъ потерянныхъ пятнадцати рубляхъ.“

— Ахъ, я дамъ тебѣ завтра двадцать пять, только замолчи пожалуйста! сказала она съ раздраженіемъ.

„Когда мужъ снималъ съ нея шубу и пальто, онъ въ это время ощутилъ запахъ бѣлаго вина, того самого, которымъ она любила заправлять устрицы.“

Затѣмъ между супругами произошло объясненіе. Сперва „супруга“ пыталась все отрицать, но когда мужъ сказалъ, что онъ не намеренъ стѣснять ее и даже дастъ ей паспортъ, она созналась, „плача и голосомъ, какимъ говоритъ, когда жалитъ себя“, скоро разсказала что любитъ Рису (такъ звали того, чья телеграмма открыла мужу глаза на шаткую „супругу“) и бѣжала съ отцомъ кататься за горозы, бывала у

него въ номерѣ и теперь ей хочется бѣжать за границу.

— Видишь, я ничего не скрываю, сказала она со надоемъ.—Вся душа моя нараспашку. И я опять умоляю тебя, будь великодушнѣе, дай мнѣ паспортъ.

— Повторишь эти слова?

„Она и радовалась и не вѣрила. Будучи сама гадкою, мелкою натурой, она всегда и въ другихъ подозрѣвала изысканныя побужденія и эгоистическія цѣли. И теперь, когда она пылко всматривалась въ мужа, недоумѣвая его добротѣ, въ ея глазахъ, какъ ему показалось, блеснулъ зеленый огонь.“

„Онъ поспѣшилъ успокоить ее.“

— Ты пойдешь къ Рису навсегда. Я дамъ тебѣ разводъ, приму вину на себя, и Рису можно будетъ жениться на тебѣ.

„Это не входило въ планы „супруги“. Мужъ ея все-таки зарабатываетъ большіе деньги, если они разведутся она лишится возможности продолжать прежній образъ жизни.“

— Но я вовсе не хочу развода! живо сказала Ольга Дмитриевна, дѣлая удивленное лицо.—Я не прошу у тебя развода! Дай мнѣ паспортъ, вотъ и все...“

На возраженіе мужа, спросившаго ее, неужели же она станетъ выбирать между бракомъ и адюльтеромъ, Ольга Дмитриевна отвѣчала словами, которыя сразу и во весь ростъ обрисовывали ея несимпатичную личность.

— Я понимаю васъ, сказала она, отходя отъ него, в лицо ея приняло ясное, истинное выраженіе.—Я отлично понимаю васъ. Я надѣла на васъ и вы просто хотите избавиться отъ меня, навязать мнѣ этотъ разводъ. Благодарю васъ, я не такая дура, какъ вы думаете. Развода я не прошу и отъ васъ не уйду, не уйду! Во первыхъ, я не желаю терять общественнаго положенія, продолжала она быстро, какъ бы боясь, что ей помѣшало говорить, —

во вторыхъ, мнѣ уже 27 лѣтъ, а Рису 23; чрезъ годъ я ему надобно, и онъ меня броситъ. И третьихъ, если хотите знать, я не ручаюсь, что это мое увлеченіе можетъ продолжаться долго... Вотъ вамъ! Не уйду я отъ васъ.“

Цинизмъ этихъ словъ поражаетъ читателя, но въ нихъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Такой взглядъ на жизнь, на супружескія обязанности, на личное счастье раздѣляется очень и очень многими дамами въ такъ-называемомъ „порядочномъ“ обществѣ.

Все это очень ярко и рельефно показано недавно П. Д. Боборыкиннмъ въ его повѣсти „Съ убійцей“, о которой поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Всю ночь не спалъ Николай Евграфовичъ. А утромъ случилось слѣдующее.

„Когда въ одиннадцать часовъ онъ надѣвалъ спортивную куртку, чтобы бѣжать въ больницу, въ кабинетъ вошла горничная.“

— Что вамъ? спросила она.

— Барыня встала и проситъ двадцать пять рублей, что вы давича обѣщали.“

Этой фразой заканчивается романъ Чехова, что дѣлаетъ особенную честь его таланту. Для такихъ женщинъ, какъ Ольга Дмитриевна, дѣйствительно все въ жизни сводится къ деньгамъ: всѣ чувства, всѣ помыслы, всѣ стремленія и желанія заключаются въ одной мысли—въ деньгахъ, которыя нужны имъ для разныхъ тратъ и для кутежей по трактирамъ и загорелымъ кабакамъ...

III.

Послѣднее—кутежи по трактирамъ и загорелымъ кабакамъ—слѣдилось, какъ жется, характерною чертой для современныхъ женщинъ изъ „интеллигенціи“ и „общества“.

Было время, когда предложитъ порядочной женщиной бѣжать въ какой-ни-

Русское слово

1895г, Сентябрь, № 93

С. 1, 2

будь ресторана ужиная или обдавать значило сильно оскорбить ее.

Теперь эта путаница из веселой компании сдвинулась обиходным явлением.

Бывало даже, что женщины охоты, быть нужными. Выход по кабакам и табу, из этой шумной обстановки ресторана, из их охватывающей атмосферы, получать первые уроки дальнего раскутства.

От этой страсти к кутежам по ресторанам не избавлены и женщины имениты себя „интеллигентными“.

Такая „интеллигентная“ особа выведена из романов г. Потанина „Клавдия Михайловна“, напечатанном в Русской Мысли (книга III).

Потанино в своих романах произведений обнаруживает некоторые признаки, если не таланта, то дарования. Но это было давно. Теперь оба эти уже забыли, и из серьезных литературных кружков о писателях г. Потанина говорят только с прощальным улыбкой.

Потанино возмущался за популярность. Была ли нужна ему собственно эта популярность, приятно шло ему первым пажам не особенно развитого человека, или в популярности он видел только средство для приобретения денег — не знает, да и не интересуется знать. Выходит, что из погоня за этой популярностью г. Потанино растерялся и в дружном даровании, что прежде, хоть и робко, неловко из его произведений. Оно и понятно.

Популярность является толпой, а толпа, ограниченный пошлостью, состоящая из посредственностей и ничтожеств — очень рьяно оберегает свое право: не выносить, чтобы говорить с ней, как с кем-нибудь из равнодождя, когда думать и смотреть на нее, как на нечто, что думает и смотрит она. Человеческий инстинкт популярности должен прежде всего уступить и правственно опуститься до уровня тех, у кого она возникает.

Что и случилось г. Потанино. Он, выходя теперь и чувствует не как душою слова, всегда неизменно возмущающийся от толпы, а именно, как эта самая „интеллигентная“ толпа.

Потанино „интеллигентный“ писатель нам, вроде сказать, „интеллигентный“ для среднего интеллигента.

С художественной точки зрения его произведения, конечно, заслуживают внимательного разбора, но на этот раз ограничимся указанием, что они не могут быть, как искусство и чувствует „интеллигентная“ толпа.

Клавдия Михайловна — женщина лет

шестерка при больничной. Ученость не мешает ей любить веселую жизнь, и почти каждый вечер у ней собирается ее знакомые — по большей части из поклонники, так как Клавдия Михайловна очень красива. В честь этих поклонников и ухаживателей есть доктор Стратонов. Это какой то гений. В больницу приходила больная с „четырнадцатью болями“. Хирург Репейников не справился с этими „болями“ и отослал больную к Стратонову. Репейников изучал больницу из течение многих недель — да ничего не мог подлечить, а „Стратонов“ как-то сразу осекнул хворь так, что все было ясно. В четырнадцать болей, точно по его командам, стала лезть, с неограниченной необходимостью вытекал одна из другой.

Вот такой „гений“ влюбился в Клавдию Михайловну. Оказавшись послужив у ней, Клавдия Михайловна собралась ехать в загородный кабачок на тройке. Богатый студент — тоже из ее обожателей, уже в тройку назвал Стратонову стать отговаривать Клавдию Михайловну от этой поездки, объяснил ее из любви к ее приятной кабинету.

По поводу нежелания Клавдии Михайловны отказаться от поездки за город, Стратонов прочел ей длинную речь.

„Вы, говорил он — женщина выходящая по уму, способностям, характеру; вы одна из нескольких десятков или, самое большее, из нескольких сотен, в целой половинной человечества, достигших такого положения. У вас, ведь — все для того, чтобы составить себя выходящее вами, сделать что-нибудь значительное. Но вы, знаете меня, легкомысленны, как ребенок; вы окружаете себя пустыми, ничтожными людьми, вы наполняете свою жизнь легкими увлечениями и забываетесь легкими побуждениями, вы не можете отказать себе в исполнении влечения каприза, вы как-бы хотите отнять у себя всякую слабость женской натуры. — словом, вы не серьезны, не верны до последней степени.“

Последние слова произносила Стратонову сама истина. Действительно, Клавдия Михайловна — пустая, легкомысленная женщина для которой вся жизнь забава и игра.

Она берет в себя — и наукой, и жизнью и чувством.

Такая женщина теперь из нашего общества — очень редкая. Отличительная черта эта то, что она не стремится к последней степени.

Но Потанино, впрочем, с целью похвалить этого „не серьезного до последней степени“ женщину, заставляет своего героя жестоко раскаться в восторгам из сказанных им Клавдия Михайловна словах. Достигается это следующим способом.

Когда он уже, кроме Стратонова, готов был ехать за город, вдруг явились сообщать, что в больницу доставили трудную больную — рожену. Клавдия Михайловна совершает подвиг, отказывается от поездки в загородный кабачок и отправляется к больной. Гости в досаду разбегались, а Стратонов, пораженный гражданскими мужеством Клавдии Михайловны, остается у ней в квартире, впрочем не понимая всего неприятия с его понятием.

Клавдия Михайловна всю ночь трудится около больной, а Стратонов все это время сидит в ее квартире и размышляет.

Тем же его размышлений, как „общественно-интеллигентный“ мало интересны. Он в конце концов приходит к заключению, что у женщины „верно иначе устроены. От упрямства она не грубит, а становится только и только сильнее чувствовать“.

После такого странного вывода Стратонов отархался рассмотреть, как „работает“ Клавдия Михайловна. С ее приложением к больной сразу увеличилось (от той и „четырнадцать болей“ с одного взгляда определял).

Утром Клавдия Михайловна вернулась к себе уставшая, разбитая.

Вместо того, чтобы так отдохнуть ей, Стратонов вступил с ней в „интеллигентный“ разговор, и предложил ей руку и сердце. Клавдия Михайловна сказала ему, что она его любит, но не согласна быть его женой... Стратонов, хотя и слышал по „интеллигентному“, но такого решения не ожидал. Он удивлен. Клавдия Михайловна слышит раскаты его удивления. Выходит заупит — значить потерять независимость, а для нее это больно. Она говорит: „Мы боремся, любимая, сражаемся... да, сражаемся“.

„Вы, ведь, не знаете, как это делается. Вы думаете, что главное было в том, что вы не хотели учиться, что не хотели признать наших прав? Это только полбеды. Самое главное — это — желание женщины, которое выходящее из нас, когда она хочет себя, когда она хочет выделиться, когда она хочет быть первой, когда она хочет быть лучшей, когда она хочет быть самой лучшей.“

Русское слово

1895г. 8 апреля, № 93.

С. 1, 2.

бабушек, тетюшек, добрых кузней, которые готовили нам женихов и со- брались писать на наших свадьбах. Потом им вдеют очертя голову, куда-нибудь в Женеву, в Париж, где подвергнутся тысяч случайностей. В то время, как вы вдеете словесно и верно, под крылышками закона (?), по- лучая стипендию и поощрения, вы должны отстаивать грудью каждый день своего существования."

Несчастница, какая из самого дѣла горькая судьба—огорчать бабушек и добрых кузней (характерно выражение, употребленное Клавдіей Михайловной: *мадямъ претяжки*). Сколько родитель- ских сердец, однако, разбила эти ну- жники!), нати очертя голову из Женеву или Париж, и грудью (?) отстаивать каждый день своего существования.

Иногда—точно героини каких-нибудь, а на самом дѣлѣ бѣдные Донъ-Кихоты изъ бѣды, сами незнающіе хорошенько, чего имъ нужно! Свою *независимость* Клавдія Михайловна не отдастъ ни за какихъ благъ семейной жизни, она слиш- комъ дорожила своею свободой, она не поступится казней ея даже для люби- мого человѣка. Она не можетъ допустить чтобы личность другого, хотя бы люби- мого и дорогого человѣка, преобладала надъ ея личностью... Но она все-таки любить Стратановъ...

Вотъ послѣдній указываетъ Клавдія Михайловна, что у нихъ могутъ быть дѣти.

— Это увеличить мое счастье, гово- рить Клавдія Михайловна.— Я буду ихъ воспитывать.

— А я? Я буду изъ сторонѣ?

— Почему? Вы также будете имѣть на нихъ право? Развѣ вы не можете прово- дить съ ними столько времени, сколько у васъ есть свободнаго в сколько нибудь хочется? Развѣ для этого непремѣнно надо жить бокъ о бокъ, постоянно сталкиваясь на шумныхъ и скучныхъ людяхъ, которые понимаютъ значеніе жизни? Пошлимъ вещи необходимы, но ихъ каждый долженъ переживать на- чавши, атакимъ-то, какъ необходимое зло.

— Отлично, я возвращаюсь къ дѣ- тямъ. У нихъ, значить, не будетъ со- щальнаго положенія.

— Почему? Мы еще сдѣлаемъ для нихъ. Развѣ мы не можемъ обидѣть- ся? Ахъ, право, это не составляетъ вопроса...

Въ концѣ концовъ Стратановъ при- знаетъ себя побѣжденнымъ и согла- шается на тотъ родъ жизни, который предлагаетъ ему Клавдія Михайловна, то есть обидѣться для дѣтей и жить на разныя квартиры, дабы не

стѣснять другъ друга и время отъ вре- мени совершать поѣздки изъ загородные кабаки...

— Ты, воспитывать Стратановъ,— ты сильное сознаніе разума и любви! Пусть же будетъ по твоему!"

Вотъ предъ нами двѣ женщины: Ольга Дмитриевна и Клавдія Михай- ловна. Обѣ отталкиваютъ насъ своимъ нравственнымъ урожествомъ. *Compara- son n'est pas raison*, справедливо го- ворить Французъ, но если сравнивать между собой этихъ двухъ женщинъ, то все же Ольга Дмитриевна симпатичнѣе. Она безпринципна и пошла несо- знательно, у Клавдіи же Михайловны нѣтъ дурныхъ сторонъ ея характера воз- ведемъ въ "принципы" и прикрыты туманомъ громкихъ фразъ о независи- мости и т. д.

Бессознательное зло мы предпочита- емъ—злу возмущающему изъ идеала...

Повторяемъ то, что мы сказали въ началѣ: несчастный тотъ человѣкъ кому на его жизненный путь суждено встрѣ- тить такую женщину, какъ Ольга Дми- триевна или Клавдія Михайловна!

А. СКОПИНСКИЙ.